

Уильям Блейк
ОСТРОВ НА ЛУНЕ
(1784)

Перевод и комментарии Д. Смирнова-Садовского

От переводчика

Перед нами образец ненаучной фантастики или литературы абсурда, датируемый 1784 годом. Заголовок «Остров на Луне» заимствован из начальной фразы этой незавершённой бурлескной фантазии, сохранившейся в неполной рукописи. Текст полон юмора, иронии, гротеска и смеха – часто издевательского. И при этом не вызывает сомнения, что многие детали списаны с натуры, и даже имеют автобиографический характер. Предполагается, что это сатира на общество, которое Блейк встретил в доме преподающего Энтони Стивена Мэтью и его жены Гарриет.

- В роли Киника Жвачкинса (Quod the Cynic) Блейк вывел самого себя;
- в роли Эпикурейца Соскинса (Suction the Epicurean) – своего младшего брата Роберта;
- Пифагореец Глоткинс (Sipsop the Pithagorean) – возможно, это неоплатоник Томас Тейлор (хотя есть и другие мнения);
- Газ Пламминг (Inflammable Gass) – учёный и философ Джозеф Пристли (хотя есть и другие мнения);
- Законодатель Безмен (Steelyard the Lawgiver) – друг Блейка художник Джон Флаксман;
- Угол Тупинг (Obtuse Angle the Mathematician) – Джеймс Паркер, соученик Блейка в мастерской гравёра Джеймса Бэзайра (хотя есть и другие мнения);
- Арадобо Декан Марокканский (Aradobo, the Dean of Morocco) – Джозеф Джонсон, первый издатель нанявший Блейка в качестве иллюстратора (хотя есть и другие мнения);

- Антикварий Столп Этрускер (Etruscan Column the Antiquarian) – антиквар Джон Бранд
- Миссис Сверлинг (Mrs Gimblet) – Гарриет Мэтью;
- Миссис Нанни Весёлый Горшок (Mrs Nannicantipot) – поэтесса и детская писательница Анна-Летиция Барбо
- Болтушка Гэббл, жена Газа Пламинга (Gibble Gabble, the wife of Inflammable Gass) – Мери, жена Джозефа Пристли;
- Мисс Нервинг (Miss Gittipin) – Нэнси, жена Джона Флаксмана, и т. д.

В последней сцене, после досадной купюры, – одна или несколько страниц каким-то образом исчезли из рукописи, – Киник рассказывает об изобретённом им способе иллюминированной печати некой милой особе, лицо которой «своим благородством» напоминает ему тигра. С. Фостер-Дэймон высказывает предположение, что Блейк мог сам уничтожить эти страницы, «чтобы сохранить секрет своего метода печати». Насчёт прообраза леди он высказывает два предположения, что это могла быть жена Блейка Кэтрин, или талантливая мисс Гиттипин (здесь, Мисс Нервинг), «чей голос подобен клавесину» [S. Foster Damon. A Blake Dictionary, с. 199-200].

Проза здесь свободно перетекает в стихи, а стихи в прозу. Нередкая практика публикации этих стихов отдельно без прозы, вероятно, имеет мало смысла, поскольку лишает их контекста. Впервые этот текст Блейка был опубликован в 1907 Эдвином Джоном Эллисом. Подзаголовки глав в оригинале отсутствуют.

Перевод был выполнен в июле 1982 года в Сухуми. Тогда же была сделана серия иллюстраций. Позднее, неоднократно возвращаясь к этому переводу, я пытался его усовершенствовать. Я хочу выразить свою благодарность всем, прочитавшим этот перевод и высказавшим свои соображения, в особенности Владимиру Рогову (посмертно), Григорию Кружкову, Галине Токаревой и Виталине Тхоржевской.

Д. Смирнов-Садовский
2012, Сент-Олбанс, Англия

Глава 1. [О Вольтере]

На Луне рядом с могущественным материком есть остров, имеющий некоторое сходство с Англией, и что ещё более удивительно, народ этого маленького острова так похож на англичан, а их язык так напоминает английский, что вы подумаете, – а не оказались ли вы среди своих знакомых?

На этом острове обитают три философа: Соскинс Эпикурец¹, Жвачкинс Киник² и Глоткинс Пифагорец³. Я называю их по именам философских сект, хотя о самих сектах ни-

чего здесь не говорю, поскольку они давно вышли из моды, но секты эти и до сих пор существуют, а их представители всё так же полны тщеславия.

Однажды эти три философа собрались вместе и стали думать ни о чём. К ним присоединился Столп Этрускер Антикварий⁴, и после кучи бессмысленных вопросов, сел с ними рядом и стал о чём-то толковать, но никто его не слушал. Так они занимали себя, когда слегка навеселе явилась миссис Сверлинг⁵. Уголки её рта выглядели уж не знаю как, но очень странно, так, словно она надеялась, что вы не составите о ней для себя дурного мнения, как бы твердя: «Будьте уверены, все мы несчастные создания!» Итак, миссис Сверлинг присела и сделала вид, что с напряжённым вниманием слушает Антиквария, который с притворным увлечением рассуждал, как

-
- 1 Последователи древнегреческого философа Эпикура (341–270) развивали атомистический материализм Левкиппа–Демокрита и считали, что боги не вмешиваются в дела мира. В роли Соскинса (*Suction* = всасывание) Блейк вывел своего младшего брата Роберта.
  - 2 Киники следовали традициям школы Антисфена (4 век до н. э.), а затем Диогена из Синопа, отрицали религию, пренебрегали богатством и благополучием, презирали общественные нормы жизни. В Жвачкиесе (*Quid* = жевательный табак, а также фунт стерлингов) Блейк изобразил себя.
  - 3 Последователи Пифагора (ок. 589–500 до н. э.) считали основой и сущностью всех явлений числа, образующие космический порядок (гармонию, музыку сфер). Прообраз Глоткинса (*Sipsop* = проглоченный кусок) Блейк нашёл, возможно, в платонике Томасе Тэйлоре.

---

4 Антикварий – любитель древностей. Здесь имя антиквария Столп Этрускер (*Etruscan Column, Antiquarian*) произведенное от этрусков, господствовавших в Италии с VII по IV век до н. э. Прообразом его, возможно, послужил Джон Бранд (1744–1806), бывший секретарём Лондонского общества Антиквариюв с 1784 года до самой своей смерти.

5 Миссис Сверлинг – (у Блейка: *Mrs Gimblet*, возможно, от *Gimlet* = буравчик). Прообразом её, вероятно, послужила Гарриет Мэтью, жена священника и хозяйка салона.

казалось, о целомудренных котах. Но это было не совсем так: она думала о форме, которую в этот момент приняли её глаза и рот, а Антикварий думал исключительно о своей вечной славе. Три философа в это время пытались подавить смех, вызванный не видом миссис Сверлинг, не болтовнёй Антиквария, а тем, что творилось в их воображении. Это прекрасное общество стало ещё замечательнее, когда к ним стремительно подлетел Газ Пламинг⁶ – ловец воздуха. Все привстали и с преувеличенной любезностью поприветствовали его. Столп Этрускер и Газ Пламинг уставились друг на друга; их языки сыпали вопросами и ответами, но их мысли были заняты чем-то совсем иным.

– Мне не нравятся его глаза, – заявил Столп Этрускер.

– Он безмозглый щенок! – ответил Газ Пламинг, ослабившись.

Три философа, широко раскрыв рты, внимали сим поучительным рассуждениям, при этом Киник улыбался,

Эпикуреец созерцал пламя свечи, а Пифагореец играл с котом.

– Сэр, – сказал Антикварий, – я пролистал сии труды и утверждаю, что это совершеннейшее не то. Мне кажется, это самый мерзкий, ничтожный и бесполезный хлам, который можно только себе...

– Что вы говорите? Что вы говорите? – перебил его Газ Пламинг. – Неужели? Неужели? Хотел бы я посмотреть, как бы вы сами написали.

– Сэр, – продолжал Антикварий, – вот вам моё мнение: автор – бессмысленный чурбан.

– А доказательства? Доказательства? – трещал Газ Пламинг. – Почему? Почему? Я думаю, это отвратительно называть чурбаном человека, о котором Вы ровно ничего не знаете.

– Доказательства, сэр? – ответил Антикварий, – Я приведу Вам в качестве доказательства пример. Однажды, прогуливаясь по улице, я увидел целую тучу ласточек на [крыше дома] ограде старого готического сквера. Они, казалось, уже были готовы к перелёту, как говаривал Плиний⁷. Я посмотрел наверх, и тут какой-то эксцентричный юноша дёрнул меня за

6 Газ Пламинг – (у Блейка: *Inflammable Gass* = воспламеняющийся газ). В этом образе, вероятно, выведен доктор Джозеф Пристли (Joseph Priestley, 1733–1804) – английский священник-диссидент, философ, естествоиспытатель и химик, открывший кислород и углекислый газ.

7 Плиний Старший Гай Секунд (23-79) римский писатель, автор «Естественной истории» в 37 книгах. Погиб при извержении Везувия.

рукав и закричал: «Умоляю, Сэр, скажите, чьи они?» С величайшим презрением я повернулся к нему и процедил сквозь зубы: «Пааашооол воон, кретиин!» «Кретин? – завопил он, – кого вы называете кретином? Я только вежливо спросил вас». Мне сильно хотелось отколотить этого парня, однако он был куда больше меня...

Тут Столп Этрускер неожиданно умолк, и Газ Пламинг задумчиво произнёс:

– А в самом деле, этот человек не кажется мне таким уж кретином; похоже, он просто проявлял любознательность к творениям природы.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Пифагореец.

– Ха-ха-ха! – эхом отозвался Газ Пламинг, сводя на нет доводы своего собеседника.

Столп Этрускер вскочил и, сжав кулаки, уже приготовился дать отпор противнику, но в это время в комнату вошёл Угол Тупинг⁸. Выворачивая на ходу карманы, из которых посыпалось множество бумажек, он вежливо

поклонился, повернулся кругом, сел, вытер носовым платком вспотевший лоб и, зажмурив глаза, почесал затылок.

– Итак, джентльмены, что за ссора? – поинтересовался он. Киник ответил:

– Они спорят по поводу Вольтера.

– Да-да, – поддержал Эпикуреец, – и немного поиздевались над ним.

– И теперь пытаются соединить свои души с плотью, – заключил Пифагореец.

Усмехнувшись, угол Тупинг заметил:

– Вольтер ни черта не смыслил в математике. Клянусь честью, человек, не понимающий математики, должен быть болваном!

Газ Пламинг резко повернулся в кресле и воскликнул:

– При чём тут математика? Вольтер поставил множество философских вопросов.

Угол Тупинг закрыл глаза, пояснив, что с закрытыми глазами он лучше соображает, и возразил:

– Во-первых, потому что ставить вопросы может и дурак, но нужен здравый смысл, чтобы решать их. Вопрос и ответ так же различны, как прямая линия и дуга. Во-вторых...

---

⁸ Угол Тупинг, Математик (у Блейка: *Obtuse Angle* = тупой угол, в геометрии угол больше прямого и меньше развёрнутого). Прообразом его послужил либо Джеймс Паркер, соученик Блейка по мастерской гравёра Джеймса Бэзайра, либо Томас Тейлор (см. выше).

– Во-во-во! Во-вторых – Во-Во-Вольтер дурак! – вставил Эпикуреец.

– Тьфу ты чёрт! – произнёс математик, с удвоенной энергией расчёсывая свой затылок, – по крайней мере, из-за этого не стоит ссориться.

Антикварий снова привстал, громко прокашлялся, показав силу своих лёгких, и провозгласил:

– Но, дорогой мой Сэр, Вольтер запутался в материи и смыслил только в том, что у него перед носом, как и это животное под ногами Пифагорейца, играющее с собственным хвостом.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Газ Пламинг. – Им гордилась Франция! А вот я достал бутылочку с воздухом, которая принесёт чуму.

Антикварий пожал плечами и в течение получаса, пока Газ Пламинг говорил, не проронил ни слова.

И вот, величественной поступью к ним приблизился законодатель Безмен⁹, неся в голове очередное постановление парламента, утверждавшее, что в свободном государстве вводить постановления парламента – это великий позор. Он так углубился в свои размышления, что забыл даже поздороваться с обществом.

9 Безмен, Законодатель (у Блейка: *Steelyard the Lawgiver*). Его прообраз – друг Блейка художник Джон Флакман.

Уголки рта у миссис Сверлинг поползли книзу.

Глава 2. [Остальные персонажи]

Вслед за этим в комнату вошли Тилли Лалли Прихлебалли¹⁰, Арадобо Декан Марокканский¹¹, мисс Нервинг¹², миссис Нанни по прозвищу Весёлый Горшок¹³, сестра Агатист¹⁴, жена Газа Пламинга болтушка Гэбл¹⁵ и маленький Рамкинс¹⁶.

10 У Блейка: *Tilli Lally, the Siptippidist*. Возможно, от *lallan* = диалект южной Шотландии.

11 *Aradobo, the Dean of Morocco. Dean* (декан) = духовный сан в католической и англиканской церкви, старший после епископа. Прообразом этого персонажа послужил Джозеф Джонсон (*Joseph Johnson*) – первый издатель Блейка как художника-гравировщика.

12 Мисс Нервинг (у Блейка: *Miss Gittipin*). Одна из возможных прототипов этого персонажа – жена Джона Флаксмана Анн (или Нанси).

13 *Mrs Nannicantipot*. Возможно, от *nanny* = нянюшка; *canty* = весёлый; *pot* = горшок.

14 Сестра Агатист (у Блейка: *Mrs Sistagatist*, хотя позднее переправлено на *Sigtagatist*, возможно, от *sister* = сестра; *agat* = агатовый).

15 Болтушка Гэбл, жена Газа Пламинга (у Блейка: *Gibble Gabble*, от *Gibber* = тараторить, *gabble* = бормотать) – вероятно, Мэри – жена Джозефа Пристли.

16 Маленький Рамкинс (у Блейка: *Little Scopprell*, возможно, от *scope* = границы, рамки, пределы).

(Если мне не удалось, хотя бы отчасти, представить вам характер каждого из них, зовите меня Ослом или Ослиной Задницей).

Глава 3. [О Фебе]

На Луне, когда Феб встал над её восточными садами, Киник запел:

– О, приди, я песнь спою!

– Трубач наш в шляпу нафекалил, – продолжил Эпикуреец.

– И на башку себе напялил! – добавил Пифагорец.

– Нет-нет, так нельзя, – запротестовал Киник, – надо начать сначала.

У Феба важная походка,

Двойной живот, три подбородка.

«Хотите быть ещё круглее,

Ваша честь?»

«Ох-ох! Пусть остаётся так, как
есть!»

Миссис Сверлинг посмотрела на них так, будто они имеют в виду именно её. Тилли Лалли загоготал, как садовая трещётка, а Арадобо любопытствовал:

– А кто такой Феб, Сэр?

– Это бог физики, живописи, перспективы, – ответил, не раздумывая, Угол Тупинг, – геометрии, географии, астрономии, кулинарии, химии, механики, тактики, патологии, фразе-

ологии, теологии, мифологии, астрологии, остеологии¹⁷, соматологии¹⁸, – короче говоря, все искусства и науки, словно чётки, украшают его шею. – А гравирование туда входит? – спросил изумлённый Арадобо.

– Безусловно! Вы поняли меня совершенно правильно, – подтвердил Угол Тупинг.

– Да-а-а! – протянул Арадобо. – Он был велик, как Чаттертон.

– Тилли Лалли обернулся к математику и осведомился:

– Кто это был велик, как Чаттертон?¹⁹

– А почём я знаю? – пожал плечами Угол Тупинг. – Кто это был, Арадобо?

– Ну как же, Сэр, – удивился Декан Марокканский, – этот джентльмен, о котором только что пели песню.

– Аа-а! – сокрушённо покачал головой Тилли Лалли. – Я не слышал песни. О чём там было, Угол Тупинг?

– Хм, – презрительно хмыкнул математик. – Ерунда, Нонсенс!

17 Остеология – учение о костях.

18 Соматология – учение о телесной субстанции.

19 Томас Чаттертон (*Thomas Chatterton*, 1752–1770) – сын бристольского священника, автор имитаций средневековой поэзии и шекспировской драмы. Когда выяснилось, что его творчество всего лишь литературная мистификация, он впал в нужду и покончил с собой.

– М-м-м! – промычал Тилли Лалли.

– Это был Феб! – подсказал Эпикурец.

– О да, именно этот джентльмен! – обрадовался Арадобо.

– Умоляю, Сэр, – воскликнул Тилли Лалли, – кто такой Феб?

Угол Тупинг ответил:

– У язычников в древние времена существовал культ богов, которым они поклонялись и приносили жертвы. Вы можете почитать об этом в Библии.

– Да-да! – закивал Арадобо, – кажется, я читал в Библии о Фебе.

– Арадобо, вам следует думать, прежде чем говорить! – обрезал его Угол Тупинг.

– Ха-ха-ха! – захохотал Тилли Лалли. – Он спутал его с Фараоном.

– Мне стыдно за вас, – возмутилась сестра Агатист, – вы издеваетесь над библейскими именами!

– Должен вам заметить, миссис Рогатист²⁰, что в этом нет никакой беды, – заявил Тилли Лалли.

– Нет-нет! – вступил в беседу Газ Пламинг. – У меня дома есть камера обскура²¹. О чём это вы говорили?

20 У Блейка здесь *Mrs Sinagain* = снова согрешила.

21 Камера обскура – ящик с небольшим отверстием, через которое на противоположную стенку из матового стекла

– А действительно, – пролепетал Тилли Лалли, – какое отношение это имеет к Фараону?

– Фу, чушь какая! – фыркнул Пифагореец Глоткинс, – можете вздёрнуть своего Фараона и всё воинство его! Жвачкинс, давай-ка споём ещё!

И Киник запел:

Боги, к чему мне иная награда?

Гений и слава – вот всё что мне надо!

Остальные философы хором подхватили:

Всё что мне надо!

Всё что мне надо!²²

Арадобо же только кусал нижнюю губу.

Глава 4. [О религии]

– К чёрту имена! – загремел Пифагореец. Чем Фараон лучше Феба или Феб лучше Фараона?

– К чёрту их обоих! – поддержал его Киник.

– Не богохульствуйте! – оскорбилась сестра Агатист.

– Ну, что вы, миссис Рогатист, возразила Нанни Весёлый Горшок. –

проецируется перевёрнутое изображение предмета.

22 Боги, к чему мне иная награда?.. – пародия на песню из «Дафниса и Амариллиса» (1762) Джеймса Харриса.

Мне кажется, нет ничего богохульного в том, чтобы сказать: «К чёрту Фараона!»

– О! – негодуяще воскликнула сестра Агатист. – Вам следует держать язык за зубами, потому что вы никогда не говорите про Священное Писание и не даёте мужу ходить в церковь.

– Ха-ха! – засмеялся Газ Пламинг, – Что я слышу! Вы не любите ходить в церковь?

– Но, мне кажется, человеку может быть хорошо и дома, – ответила миссис Нанни.

– Если бы моё ремесло не заставляло меня ходить в церковь, – сказал Газ Пламинг, – я передумал бы всех священников – это скопище лжи...

– О! – воскликнула сестра Агатист, – если бы не церкви и храмы, я бы не прожила так долго. Девочкой я вставала в четыре часа утра. Мне приходилось бегать, как бесёнок, пока я не согревалась. Я простаивала всю службу, пока не валилась с ног. А преподобный Грозошляпкинс²³ в порыве невероятной страсти пинал подножие кафедры, отрывал рукава от рясы, поджигал свой парик, а затем швырял его в толпу. Он кричал, топал ногами, бил себя в грудь, пот катил с него

²³ У Блейка *Mr. Haffcap* от *huff* = угрожать и *cap* = шляпка.

градом – и всё это ради спасения душ своей паствы.

– Я уверена, он был отъявленный мошенник и негодяй, – заявила миссис Нанни Весёлый Горшок. – Если бы я была женщиной, я бы подкараулила его у подножия кафедры, пнула хорошенько и убежала!

– Ты бы пнула его, невежественная шельма? Посмотрела бы я как ты пнешь хотя бы одного священника, и как тебя потом отдерут за уши!

– Ай-ай-ай, какая святоша! – отвечала другая.

Тут мистер Пламинг внезапно подлетел к камину, сунул голову в огонь и, когда пламя охватило его волосы, стал метаться по комнате или, нет... нет, он ничего этого не сделал – я просто вас дурачу.

Глава 5. [О Чаттертоне]

Угол Тупинг принимал мистера Рамкинса, Арадобо и Тилли Лалли в своём рабочем кабинете. Арадобо спросил:

– Скажите пожалуйста, Чаттертон был математиком?

– Вовсе нет, – воскликнул Угол Тупинг. – Надо быть просто идиотом, чтобы так думать.

– А я так совсем и не думаю, я просто спросил, – пояснил Арадобо.

– Как можно не думать, что он им не был и, тем не менее, спрашивать, был ли он им?

– О нет, сэ, я думал, что он был, до того, как вы ответили мне, но потом я стал думать, что он не был.

– Сначала вы думали, что он был, – повторил Угол Тупинг, – однако, после того, как я сказал вам, что это не так, вы стали думать, что он не был. На каком основании вы...

– О нет, сэ, – перебил Арадобо, – я думал, что он не был, но спросил, чтобы знать, был ли он.

– Как это может быть! – возмутился Угол Тупинг. – Как можно спрашивать, был ли он, и думать, что он не был?

– Почему-то мне пришло в голову, что он не был, – оправдывался Арадобо.

– Почему же вы сказали тогда, что он был? – не отступал Угол Тупинг.

– Я так сказал? Неужели? Мне кажется, я так не говорил.

– Говорил он так?

– Да, подтвердил Рамкинс.

– Но я имел в ви-виду, – начал заикаться Арадобо, – я-я-я не мог так ду-думать. Че-че-чесное слово! Сэр, я думал, что вы с-с-сами скажете мне, как это б-б-было.

Тогда Угол Тупинг почесал подбородок и сказал:

– Всякий раз, когда вы думаете, Арадобо, думайте про себя.

– Про кого, сэ? – переспросил Арадобо. – Всякий раз, когда я думаю, я должен думать про меня? Я так и делаю! – заулыбался он. – Первым делом, когда я думаю, я...

– Тьфу ты, дьявол! – не выдержал Угол Тупинг. – Не будьте дураком!

В этот момент Тилли Лалли взял со стола квадрант²⁴ и спросил:

– Для чего эта хитрая штука? Это, случайно, не солнечные часы?

– Да, – ответил Рамкинс, – но они сломаны.

В этот момент вошли три философа, и над собранием нависла темнота.

– Ну что, – мрачно произнёс Эпикуреец. – Может, выпьем рома с водой и удавим этих математиков? Эй, Арадобо, скажи что-нибудь!

И Арадобо забормотал:

– Ко-когда я только начал думать, я сперва решил, что Чаттертон был знамя-нитий ломанист, ведунист, пистоник, свинограф и шляпограф. Первым делом я подумал, что он ел

²⁴ Квадрант – астрономический инструмент для определения высот светил.

очень мало, а это опасно. Он спал очень мало, а потому его свалила чихотка и эта, как она называется? Корячка, что ли? Ну, в общем, он заболел и умер.

Постепенно кабинет заполнялся остальными персонажами этой книги, и никто ничего не мог добавить к вышесказанному.

Глава 6. [О хирургии]

Все разошлись по домам, в кабинете остались только философы. Соскинс спросил:

– Как по-вашему, стихи Пиндара²⁵ лучше, чем живопись Джотто?²⁶

– У Плутарха²⁷ нет ничего о Джотто, – ответил Глоткинс.

– Но, – возразил Жвачкинс, – Джотто был итальянец.

– Прекрасно, но это ничего не доказывает, – заметил Соскинс.

– Плутарх был мерзкий и невежественный молокосос, – заявил Жвачкинс. – Ненавижу ваших под-

лых мошенников. Вот Арадобо через какие-нибудь десять или двенадцать лет станет гораздо более гениальной личностью.

– О да, – согласился Пифагорец, – Арадобо обещает быть неглупым малым.

– Я вообще считаю, – продолжал Жвачкинс, – что из любого набитого дурака можно сделать умника, если только правильно его воспитывать.

– Катитесь ко всем чертям с вашими рассуждениями! – воскликнул Эпикуреец. – Терпеть не могу рассуждения и всегда полагаюсь только на интуицию.

– И всё же, – добавил Глоткинс, – хотел бы я видеть, как Джек Потрошиттер²⁸ вспарывает кишки этому Плутарху. Джек понимает в анатомии получше любого грека. Он одним махом всаживает свой хирургический нож по самую рукоять, потом четверть часа копается руками во внутренностях. Он не обращает внимания на вопли пациентов, хотя кричат они изрядно. Он чертыхается, запускает руки всё глубже и глубже, и

25 Пиндар (ок. 518 до н. э. – 442 (438) до н. э.) – древнегреческий поэт-лирик.

26 Джотто (1266 или 1276–1337) – итальянский художник и архитектор эпохи Возрождения.

27 Плутарх из Херонеи (ок. 46 – ок. 126) – древнегреческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописаний».

28 Джек Потрошиттер (у Блейка: *Tearguts om tear* = рвать, *guts* = кишки. Зачёркнуто: «Hunter») – Джон Хантер (1728–1793) – знаменитый анатом и хирург госпиталя св. Георгия.

грозит выскрести им все кости изнутри, если они не будут лежать смиренно. Какого дьявола валяются эти бездельники в клинике, если они не дают хорошенько себя покромсать!

– Пускай повесится этот твой Джек, – сказал Соскинс, – давайте лучше споём.

И Жвачкинс запел:

1. Когда Разврат явился в мир
В желтушечном халате,
С распутницею сей вампир
Зачал дитя в разврате.
2. Дитя плешивое ползёт,
Из чрева греховницы. –
«Отныне мой блудливый род
Вовек не истребится!» –
3. Дитяте не давала мать
Ни молока, ни каши,
И грудь пришлось ему сосать
У самого папаши.
4. Хирург – так звали малыша,
Лелеял мысль о мести,
Как мать, ножом распотроша,
Уложит он на месте.
5. Преострый нож заносит он
И бьёт её с разгона,
Но, в убиенную влюблён,
Берёт её он в жёны,
6. Из чрева мёртвой поутру
Родится лихорадка,
«Теперь вовек я не помру! –
Танцует муж вприсядку. –

7. Для опытов я наплюжу
Чертей себе на смену –
Сперва цингой их заражу,
Закупорю им вены».

8. Вот чадо стало опухать,
Отец кричит: «Удача,
Водянку мы открыли, мать,
И мир наш стал богаче!»

9. Прыщей он срезал кругляшки
В пыли неудержимом,
И поползли из них кишки
Со всем их содержимым²⁹.

– Ах, вздохнул Глоткинс, – вы считаете нас, пифагорейцев, шарлатанами, а мы вас, киников, мошенниками. Я занимаюсь тем, что мне нравится, и кому какое дело до этого! Но при этом я всегда чувствую себя несчастным. Когда я думаю о хирургии, я теряюсь в сомнения. Я люблю оперировать, и потому взялся за это дело. Мой отец, например, делает то, что ему хочется – и я такой же! Однако боюсь, что придётся мне это дело оставить. Когда одной женщине удаляли сарко-

29 Навеяно стихотворением Джона Гэя (1685–1732) «По поводу Кадрилы»: «Когда коррупция умирает и оставляет страну в покое... Сатана думает, чем бы их заразить, и посылает своего духа по имени Кадриль». Как сатира на современную медицину, вероятно, навеяно пьесой «Диавол на двух костылях», шедшей тогда на сцене. Это также пародия на родословную Греха и Смерти из «Потерянного Рая» Мильтона (Глава 2).

му, она так визжала, что я почувствовал себя совершенно больным.

Глава 7. [О литературе и живописи]

– Спокойной ночи! – пробормотал Глоткинс.

– Приятных сновидений! – ответили ему два других философа.

Жвачкинс и Соскинс остались вдвоём. Жвачкинс сказал:

– Гомер мне кажется чересчур напыщенным, Шекспир слишком неотёсанным, а Мильтон бесчувственным – их легко обскакать. Чаттертон никогда не был автором этих поэм! Кучка глупцов, помчавшихся в Бристоль!³⁰

Да если бы я туда поехал, я бы понял это в один момент, но я понял это и так.

30 Здесь, вероятно, под кучкой глупцов (*parcel of fools*) Блейк имеет ввиду тех, кто ездил в Бристоль в поисках доказательств, что все поэмы «средневекового поэта Томаса Роули» на самом деле написаны Чаттертоном. Блейк не разделял общепринятого мнения, что поэт Роули – всего лишь мистификация Чаттертона, так же как Оссиан – творение Макферсона. В «Аннотациях к Вордворту» (1815) Блейк писал: «Я верю обоим Макферсону и Чаттертону – то что они говорят есть древнее...». И далее: «Я считаю себя обожателем Оссиана в той же мере, как и других поэтов, включая также Роули и Чаттертона».

– А пусть меня повесят, если в следующем году на Выставке я не заткну их всех за пояс! – заявил вдруг Соскинс. – К чёрту философию! Я не дам за неё и фартинга. Кому она нужна?! Надо доходить до всего интуицией. Клянусь Дьяволом, завтра я встану в четыре утра и покажу этому сэру Джошуа³¹, где раки зимуют.

– Не пройдёт и десяти лет, – продолжал гнуть своё Жвачкинс, – и я переплюну этих чёртовых сосунков, это скопище бездарей! И они отправились спать.

Глава 8. [О счастье и женщинах]

Законодатель Безмен сидел за столом и выписывал цитаты из «Кладбищенских размышлений» Гервея³² и «Ночных дум» Юнга³³.

31 Джошуа Рейнольдс (1723-92) английский живописец, основатель Лондонской Академии художеств, автор «Рассуждений о живописи», критически проштудированных Блейком.

32 Джеймс Гервей (James Hervey, 1714–1758) автор «Размышлений» (“*Meditations and Contemplations*”) в прозе, написанных в подражание Эдварду Юнгу.

33 Эдвард Юнг, (или Эдуард Янг, Edward Young, 1683–92) – английский поэт, автор религиозно-дидактической поэмы в девяти книгах «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и

– «Худшее, что он может мне сделать – это назначить меня констеблем³⁴ или отобрать мой приход». Ха-Ха!

[«О что за сцена, что за маскарад!»]

«Мой урожай – лишь поле сорняков!»³

Как говаливал Иероним³⁵: «Счастье не для нас, бедных рептилий, ползающих по земле». Все говорят: счастье, счастье – такой вещи не существует, хотя каждый и представляет себе счастье, как нечто реальное.

Был горд моряк, когда ветра подули,

Корма и парус в море потонули.

Слаб человек! Но знаешь ли, о Боже,

Что Тейлор Джон³⁶ великий грешник тоже?

бессмертии» (The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality, 1742–1745), написанной под впечатлением смерти жены.

34 Констебль – низший полицейский чин в Англии.

35 Иероним Стридонский – Евсевий Софроний Иероним (Eusebius Sophronius Hieronymus), (342–419 или 420) – святой, писатель, переводчик Библии.

36 Джон Тейлор (John Taylor, 1694–1761) – сектантский проповедник и теолог, выступивший против доктрины первоначального греха в своей книге «Scripture Doctrine of Original Sin» (1740).

Если бы мне надо было заботиться лишь о себе, я бы нос натянул мистеру Дабл-Элефанту, а также мистеру Филигриворку³⁷. Надеюсь, доживу до того, чтобы увидеть: «Развал материи и смерть миров», как сказывал Юнг³⁸.

В комнату вошёл Угол Тупинг.

– Что нового, мистер Безмен?

– Читаю «Терона и Аспазио»³⁹, – ответил тот.

Угол Тупинг перебрал на столе все тома один за другим.

– Этой книги что-то я здесь не вижу, – удивился он.

---

37 Безмен (или художник Джон Флакман) размышляет, что если бы он должен был заботиться только о себе, то превзошел бы (букв. «заставил бы выглядеть глупо») своих соперников Дабл-Элефанта и Филигриворка. Предполагается, что Дабл-Элефант – это очень успешный придворный художник-миниатюрист Ричард Козуэй (1742–1821) – он выведен далее также как Джеко с обезьяним лицом. Прозвище «Дабл-Элефант» (Двойной Слон) дано здесь по названию самого большого размера листа ватмановской бумаги («Double Elephant»). Имя мистера Филигриворка – напротив, должно означать что-то очень маленькое, миниатюрное, филигранное.

38 Эдвард Юнг – см. выше. «The wreck of matter & the crush of worlds». На самом деле это цитата из пьесы «Катон» англ. поэта и эссеиста Джозефа Аддисона (1672–1719).

39 «Theron and Aspasio» – религиозные диалоги Джемса Гервея (см. выше) в форме писем.

– Да-да! – устало проговорил Безмен, это я так, размышляю вслух.

Он выглядел совершенно измученным. Угол Тупинг раскрыл наугад какой-то том и начал читать.

Тут вошли мистер Рамкинс и мисс Нервинг. Рамкинс тоже взял книгу и прочёл следующее:

– «Лёгкость жужжащего рассудка», соч. Жено-Лукова, лакея⁴⁰.

– Джона Локка, – поправил Угол Тупинг.

– О, конечно, Жено-Логова, – повторил Рамкинс.

– Такой компании как эта, – возмутилась мисс Нервинг, – я в жизни не видывала. Каждый толкует только о своих книжках! А я люблю беседовать во время прогулки. Пойдёмте гулять, это нам доставит удовольствие. У меня в жизни не было никаких удовольствий, я в этом убеждена. Вот дочки мистера Дабл-Элефанта развлекаются, как им вздумается, или мисс Филигриворк, которая что ни день выезжает в экипаже, и у неё есть ливрейный лакей, и горничные, и шляпки от Стормонта, и надувные шляпки⁴¹, и

40 Имеется в виду «Опыт о человеческом рассудке» (1690) английского философа Джона Локка (1632–1704).

41 Шляпки Стормонта были в моде с 1780 по 1784. Надувные женские шляпки вошли в моду в 1784 году, что и по-

свежая пара перчаток каждый день, и шляпки в стиле страданий Вертера⁴², и в стиле Мэри Робинсон⁴³, и в стиле Марии Антуанетты блошиного цвета, и моя кузина Гиббл Гэббл говорит, что я ни на кого не похожа. Я могла бы с тем же успехом уйти в монастырь. Они собираются прокатиться на почтовых каретах и экипажах в Воксхолл и Ренлей⁴⁴. А я раньше никогда в каретах не ездила, только к мистеру Джеко⁴⁵. А он понимает толк в верховой езде, и его жена наимприятнейшая женщина. Вы, конечно, не знаете, как у неё подвешен язык, да и сам он человек остроумный, и я уверена, что он станет компаньоном своего шефа, и у них есть комнаты для чёрной прислу-

служило основанием для датировки «Острова на Луне

42 Шляпки по названию романа Гёте «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werther»), 1774).

43 Мэри Робинсон известная как Пердита (1758–1800), была актриса, писательница и любовница Георга IV в то время, когда тот был ещё Принцем Уэльским. Она слыла также законодательницей мод.

44 Vauxhall и Ranelagh Gardens – пригороды Лондона, теперь – районы на юге Лондона.

45 Джеко – дрессированная обезьянка, которую демонстрировали в амфитеатре Эстли в 1784 году. Здесь используется как прозвище придворного художника-миниатюриста Ричарда Козуэя (1742–1821).

ги. Я в жизни не видывала таких домов. Он сказал, что у них в доме двадцать шесть комнат, и я ему верю, – он не такой лгун, как его расписывает мистер Жвачкинс, [– он просто ему завидует]...

– Хватит! Хватит! Замолчите! Довольно! – вскричал законодатель.

Это вконец рассердило мисс Нервинг, – её оборвали на самом интересном месте, и она разразилась самой гневной речью, на которую была способна. Безмен выслушал её, будто он больше не законодатель, а святой великомученик, и затем торжественно обратился к компании со следующими словами:

– Говорят, женщина – хрупкий сосуд, но мне кажется, что это сосуд прочнейший. Женщины с детства более языкасты, чем мужчины. Я видел одну малышку ростом не более куста крапивы, но язык у неё был, как у городского приказчика; а мальчуган, который не глупее её, не знал бы, что и возразить, и если бы его спросили, молчал бы, словно он воды в рот набрал или проглотил язык. Можете не сомневаться, что эта женская особенность доставляет мне мало удовольствия. Столько же удовольствия она, по всей вероятности, доставляет и всем вам. Вот я стою и выслушиваю

все эти дурацкие оскорбления. Если бы мне надо было заботиться лишь о себе, я бы им носы пообрывал.

По сему поводу Рамкинс заметил:

– Я полагаю, мистер Безмен, что Дамские рассуждения, по крайней мере некоторые из них, более познавательны, чем любая книга. Именно так я приобрёл многие свои знания.

– В таком случае, – сказала мисс Нервинг, – мистер Рамкинс, знакома ли вам песенка «Феба и Джеллико»?

– Нет, мисс, – ответил Рамкинс.

И пока Безмен ходил по комнате из угла в угол, она спела:

Шлейф надела Феба-крошка,
Джеллико – камзол с горошком
И в обнимку семян
Между радостных ягнят.
Девы в танце закружили
И парней приворожили,
Сьюзи, Джонни, Джо и Бесс –
Все танцуют экосез.
Погляди на наши лица –
Счастьем с нами кто сравнится?
Путник в шляпе и с клюкой,
Помашите нам вслед рукой!⁵

– В самом деле, прелестная песенка, мисс, – сказал Рамкинс.

И тут всех позвали на вечеринку в дом одного из философов.

Глава 9. [Вечеринка]

– Сегодня вечером мы все надерёмся – это я вам говорю, – закричал Соскинс. Гимн! Споём Гимн, чёрт побери!

Вот нетопырь порхает на кожих-
стых крылах,

Порхает и мигает,

Мигает и порхает,

Порхает и мигает,

Как доктор Джонсон, ах!⁴⁶

46 Сэмюэл Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) – английский критик, учёный и поэт. После присвоения ему докторской степени в Оксфорде в 1755 году его стали называть «Доктор Джонсон». Он прославился составлением толкового словаря английского языка, ставшего невероятно популярным, а также десятитомным «Жизнеописанием важнейших английских поэтов». Репутацию остроумца ему принесли его многочисленные высказывания вроде «Patriotism is the last refuge of a scoundrel» («Патриотизм – это последнее прибежище негодяя»). Однако по многим вопросам мнения Джонсона и Блейка расходились. Интересно, что Джонсон умер в декабре 1784 года – вероятно, тогда же, когда и были написаны эти издевательские стихи Блейка о нём. Песня «Lo the Bat with Leathern wing...», открывающая главу, является пародией на «Эссе о Человеке» Александра Поупа («Lo, the poor Indian») и фразу из стихотворения Уильяма Коллинза «Ода Вечеру»: «Now air is hushed, save where the weak-eyed bat / With short shrill shriek flits by on leathern wing...» («Теперь ветер затих, лишь подслеповатый нетопырь / С кратким

Жвачкинс:

Воскликнул доктор Джонсон:
«Эй, Сципий-Африканус⁴⁷,

Признай, что я учёнус, магиструс и мудрёнус,

Не то получишь бонус

В свой жирный римский anus!»

Соскинс:

Ответил Африканус: «Скажу тебе в стихах –

Ты спрячь свой хилый бонус, дрожайший доктор Джонус,

И поцелуй, ядрёнус,

Мой римский анус, ах!

Большой хор:

«И спускайся за мной в погребок!»

– Ой-ой-ой-ой-ой-ой-ой-оооооооо, бедные мои бока! – простонал Рамкинс. – Я бы умер бы если бы жил здесь. Ой-ой-ой-ой-ой!

Два голоса:

– Хотите спички?

– Да, да, да.

пронзительным криком пронесется мимо на кожаных крылах...»). Сравнение Доктора Джонсона с подслеповатым нетопырём объясняется тем, что Джонсон страдал синдромом Туретта (нервным расстройством и тиком), а также слабым зрением.

47 Сципион Африканский Старший Публий Корнелий (ок. 235–183 до н. э.) – римский полководец, обиженный неблагодарностью Рима, провёл остаток дней вдали от столицы.

– Женитесь, птички!

– Не-е-е-ет!

– Хотите спички?

– Да, да, да.

– Женитесь, птички!

– Не-е-е-ет!⁸

Тут началась невообразимый переполох. Арадобо сообщил, что мальчишки на улице поют что-то милое и забавное о замужестве, или нет, о спичках.

Тогда миссис Нанни Весёлый Горшок заголосила:

Дешёвые спички, – всего ничего!

Да здравствует Герцог, и свита его!

Потом запел Рамкинс:

Боги, начто мне иная награда?

Иная награда?..

Теперь, мистер Законодатель, ваша песня! – крикнул Соскинс, и Безмен затянул сладким голосом:

День был праздничен и ярок,

Я гулял по лугу майскому,

Вдруг, меж сладостных фиалок

Я узрел подругу райскую,

Меж фиалок,

Меж фиалок,

Я узрел подругу райскую.

– Пусть удавятся ваши фиалки!

Хлебните лучше рому с водой – это ещё слаще!

– О да, – возник откуда-то Тилли Лалли, – однажды Джо Брэдли и я отправились в сахарный домик. Джо

Брэдли разглядел, – а был он одноглазый, – разглядел кувшин с патокой. И вот, он подошёл своей слепой стороной, сунул руку в патоку по самое плечо, и завопил: «Скорее сюда, облизывай, облизывай!» Ха-ха-ха-ха-ха! А всё потому, что он был одноглазый. Ха-ха-ха! Уфффф!

Рамкинс снова запел:

Боги, начто мне иная награда?

Начто мне иная

Награда, награда...

– Мисс Нервинг, – проговорил он, – ваш голос подобен клавибордам. О, будьте так благосклонны, и щедро одарите наши распахнутые уши своим чудесным пением!

И она начала:

Ждала лягушка жениха,

Китти одна, Китти одна,

Ждала лягушка жениха

Китти, а с нею и я.

Жених принёс ей петуха,

Китти одна, Китти одна,

Он принёс ей петуха,

Китти, а с нею и я.

– Очаровательно! Великолпно! Восхитительно! – восторгался Рамкинс, – и снова пел:

Боги, начто мне иная награда?..

– К чёрту ваши серьёзные песни! – возмутился Глоткинс и заорал:

Фа-ра со-бо-ра,

Фа-ра бо-ра,
 Са-ба-ра ра-ба ра-ре ро-ро,
 Са-ра-ра ра-бо-ро ро-ро,
 Ра-да-ра,
 Са-ра-по-до но-фло-ро!
 – К дьяволу итальянские песни!

Давайте, нашу, английскую! – предложил Жвачкинс. [Спой, математик!

Песня математика, потом поёт он:] – Пусть не увядает английский дух! Я начинаю:

Привет, Супружество! Готовь
 Свои врата – ведёт Любовь
 Туда бесчисленное стадо:
 Девиц, манящих красотой,
 Вдовиц, дивящих широтой
 Увесистого зада.

Привет, босое существо!
 В глубинах чрева твоего
 Весь род людской берёт нача-

ло.

Ты грудью выкормила нас,
 И опекаешь в трудный час,
 Чтоб другу полегчало.

Однако, если ты хрома,
 Крива, увечна иль нема,
 Глуха, подслеповата,
 Но есть немного доброты,
 Вздыхателя отыщешь ты, –
 Хотя и трудновато.

Не сомневайся, нежный друг
 Излечит твой любой недуг –
 Найдёт он для тебя припарки,

И улыбнёшься ты опять,
 Начнёшь кружиться и порхать,
 И петь, как птичка в парке.
 Сюда, вздыхатели, кокетки!
 Супружества златые клетки
 Избавят вас от тяжких мук!

– Пойди и удавись, мой друг! – вскричал мистер Рамкинс. – Супружество! Как не совестно играть в эти дурацкие игры!

[– Да как смеее вы, блошиное отродье! Да я вас переброшу сейчас через это кресло! – возбудился Киник.

– Вечно этот Жвачкинс, – зароптала мисс Нервинг, – своими выходками портит хорошую компанию. Какой скандал!]

Тогда Жвачкинс попросил математика спеть песню, и Угол Тупинг, стерев пот со лба и глядя в угол потолка, запел:

Итак, быть иль не быть?
 Как жизнь свою прожить?
 Как Ньютон Исаак?
 Как Саут или Локк,
 Как праведник-Шерлок?⁴⁸
 Или как Том-добряк?⁴⁹

48 Роберт Саут (Robert South, 1634–1716) – богослов, автор «Критики» (1690), в которой он нападает на другого богослова.

49 Томас Саттон (Thomas Sutton ок. 1532–1611) – основатель Чартерхауза и Го-

Том Сагтон строил дом,
 Чтоб люди жили в нём –
 Вот стены он воздвиг
 Искусною рукой,
 И мебелью резной,
 Обставил дом старик.
 Немало средств и сил
 Он в этот дом вложил.
 Отправил Сагтон слуг
 За лучшим столяром,
 За Грином-маляром –
 И был им, словно друг!
 Каминов дюжин пять,
 А окон – сосчитать,
 С тобой не сможем мы;
 Двор камнем замощён
 И стоком оснащён,
 Чтоб не было чумы;
 Прожить не худо век,
 Как этот человек,
 И быть другим в пример –
 Как Саут или Локк,
 Как праведник-Шерлок,
 Или как Ньютон-Сэр!

Законодатель был очень предупредителен, он умолял петь эту песню снова и снова, пока всех этим не утомил. Тогда они потребовали, чтобы он сам спел что-нибудь, и Безмен с готовностью согласился.

спиталья в Лондоне, о которых идёт речь в данной песне.

Блажен тот город и тот край,
 где пэры да бароны,
 В дубовых креслах вековых
 вершат свои законы –
 Коричневые, как орех, и с пинтами в руках –
 Радущью старой Англии не умереть в веках!
 Пока крестьянин на полях от пота изнывает,
 Здесь каждый ест за семерых и элем запивает,
 В парче и лентах золотых, в блестящих башмаках –
 Радущью старой Англии не умереть в веках!
 Они за трапезой сидят, едят и пьют немало,
 Чтоб от законов их страна ещё богаче стала.

Зачем же думать на пиру о жалких бедняках?

Радущью старой Англии не умереть в веках!

Тут все шумно загалдели, и компания начала расходиться.

Глава 10. [Чума]

Вот каким образом счастливые островитяне проводили время. Но счастье не длится вечно, ибо, когда все встретились в доме ловца воздуха Газа Пламинга, произошло следующее.

– Давайте будем развлекаться, – сказала болтушка Гэббл. – Ступай-ка, Газзи, и принеси сюда своих кукол.

– Ай! Ай! – воскликнул он, – Ты это про – что? Однако! Однако! Какая нелепость! Ох! Ха! Ха! Она называет мои опыты куклами!

Пламинг взбежал по лестнице и нагрузил служанку склянками, медными трубками и магическими картинками.

– Сейчас, леди и джентльмены, – объявил он, я продемонстрирую вам вошь, блоху, бабочку, майского жука, а также спинную кость от точки над *i*⁵⁰. Да, да! А вот ветер в бутылке, который я поймал на болоте. О, Господи! Боже мой! В движок попала вода! Взгляни-ка сюда, Гэббл! Тилли Лалли, будьте добры, одолжите мне Ваш носовой платок.

Тилли Лалли вынул свой платок, от которого стекло стало ещё грязнее, чем раньше. Пламинг вставил его обратно. Потом он достал движок и расположил стёкла так, чтобы леди могли видеть картинки. Он так старался, что совсем выбился из сил. Пока Тилли Лалли и Рамкинс пыта-

лись высушить стекло воздушным насосом, от него пошёл Дух.

– Чёрт! – проговорил Тилли Лалли.

Пламинг быстро обернулся и опрокинул стол со склянками, картинками, разбил бутылку с ветром, пойманым на болоте, и выпустил Чуму. Он увидел, как Чума вылетела из бутылки, и закричал, выбегая из комнаты:

– Бегите, бегите! Мы заражены! Мы погибли! Наши лёгкие разрушены Флогистоном⁵¹. Теперь Чума распространится по всему острову!

Он первый выскочил на улицу. За ним, сбившись в кучу, бежали все остальные.

В особом приглашении они не нуждались.

Глава 11. [У законодателя Безмена]

В другой раз весёлая компания собралась в доме законодателя Безмена. После ужина Безмен и Угол Тупинг «накачивали» совершенно выдохшегося Газа Пламинга. Они играли в

50 У Блейка: «the blade bone of a tittle back», что можно перевести как «лопатка со спины диакритического знака».

51 Флогистон (от греч. *phlogistos* – горячий, воспламеняемый) – по господствовавшему в химии 18 в. представлению «огненная субстанция», особое летучее, невидимое и невесомое вещество, выделяющееся при горении.

фанты и пытались любым способом его развеселить.

Мисс Нервинг обратилась к математику:

– Прошу вас, мистер Тупинг, спойте нам песню.

И он запел:

Сияют лица у детей, когда в Четверг Святой

В одежде праздничной идут – зелёной, голубой,

За старцами, чьи посохи белее, чем снега

И Павла наводняют Храм, как Темза – берега.

О как их много, Лондона цветов, – не сосчитать!

Они сидят, их взоры источают благодать,

Они поют – напевы их, как агнцев голоса,

И руки их обращены с мольбою в небеса.

Их песни, как могучий вихрь взмывают к облакам,

И там гремят подобно гармоническим громам,

Пред ними мудрые отцы, защитники сирот –

Будь милосерд и от тебя твой Ангел не уйдёт⁵².

52 Черновой вариант стихотворения «Святой Четверг» из «Песен Невинности».

На четверть часа все погрузились в молчание, и затем [сестра Агати́ст] миссис Нанни Весёлый Горшок сказала:

– Это мне напомнило песню, которую пела моя [бабушка] мама:

Когда смех детворы долетает с горы

И песня звенит над рекой,

Я тоже пою, и в душу мою

Вливаются свет и покой.

«Уже на леса спустилась роса,

И солнце за дальней горой,

Домой вам пора, а завтра с утра

Вы вновь насладитесь игрой!»

«Нет, нет, не пора, – шумит детвора, –

Мы ещё не хотим в кровать,

Барашки не спят, букашки жуж-

жат –

И нам бы часок поиграть!»

«Хорошо, но лишь час, пока не погас

Последний солнечный луч!»

И песня летит, и радость звенит,

И эхо слетает с круч⁵³.

Потом запел [-а Нервинг] [Тилли Лалли] [Жвачкинс] Жвачкинс:

Отче, отче, где ты родимый?

Чадо не покидай!

53 Черновой вариант «Песни няни» из «Песен Невинности».

Молви, о молви словечко сыну,
Сбиться с пути не дай!
Бредёт дитя в ночи без отца
И горько слёзы льёт,
Роса холодна, и только видна
Испарина от болот⁵⁴.

После этого долго никто не мог
петь, пока, наконец, Тилли Лалли не
собрался с духом и не запел:

Приятель Джо,
Сдавай шары!
Прощай, дружок, –
Конец игры.
Это что там за игрок
Мечет шар в крапиву,
А сморкаться в мой платок
Просто некрасиво.
Ты зачем, бездельник Билл,
Левый глаз мне засветил?
Уподобил Билли битую
Лошадиному копыту.
Бережёт свои ботинки,
Босиком шагает Билл
И, свернув с прямой тропинки,
На колючку наступил.
Все засмеялись, но тут запела

мисс Нервинг:

О позволь вдвоём с печалью
Провести остаток дней,
В дух бесплотный превратиться,

Раствориться среди теней.
Может, тень мою увидишь
Среди нехоженных дорог
И услышишь, как из чащи
Стон доносит ветерок...

Законодатель был очень рад видеть
своих гостей в таком серьёзном
настроении.

– Мистер Рамкинс, – сказал он,
вы, должно быть, знаете немало песен.

– Ох, дорогой сэръ! Ох-ох-ох, но
я не певец. Лучше давайте попросим
одну из этих очаровательных барышён
спеть вместо меня.

Однако все отказались, и он вынужден
был спеть сам:

Доктор Губошлёт
И сеньор Фа-ля-соль-ля,
Каждый денежек пригрёб,
Став богаче короля.
Фа-ми-лясоль, ля-ми-фа-соль
[Так поют чёрные мавры, шлё-
пая толстыми губами]

А-большой и малый-а
Играли на трубе.
Трубили хором оба-два
И всяк сам по себе.
Фа-ми-лясоль, ля-ми-фа-соль
Пару неплохих ушей
Музыканту бы иметь,
Пальцы тоньше и сильней,
И проворней, чем медведь

54 Черновой вариант стихотворения «Потерянный мальчик» из «Песен Невинности».

Фа-ми-лясоль, ля-ми-фа-соль

Джентльмен, джентльмен,

Стук-стук-стук,

Скрип-скрип-скрип,

Хлоп-хлоп-хлоп,

Фа-ми-лясоль, ля-ми-фа-соль.

– Хм, – произнёс законодатель, – смешных песен достаточно! Давайте теперь грянем генделевскую «Музыку на воде»!⁵⁵

И тогда запел Глоткинс:

Король в броне

На белом коне

Под гром и фанфары

Сквозь дым и пожары

Под знамёнами мчится вперёд,

И, радостью сердце его наполняя, кричит о победе народ!

И, радостью сердце его наполняя, кричит о победе народ!

Победа! Победа! Да здравствует Принц Вильгельм Оранский!..⁵⁶

[В этом месте утерян лист или несколько листов рукописи.]

– Вот, к примеру, иллюминированный манускрипт.

– А-а-а! – сказала она. – Это должно быть превосходно.

– Таким образом, – продолжал он, – всё написанное будет у меня награвировано, а не набрано в типографии и, отпечатав каждый лист в отдельности, я составлю из них три тома *in folio*⁵⁷, и продам по сто фунтов за штуку. И я напечатаю две тысячи экземпляров.

– И тот, кто их не купит, – сказала она, – будет невеждой и болваном, который непонятно зачем на свет явился.

– Вам не кажется, что в моём лице есть что-то козлиное? – спросил он.

– Вылитый козёл! – ответила она.

– А Ваше лицо, – сказал он, – своим благородством напоминает мне тигра. О, я был у Живоде́рингов⁵⁸ и рассказал о своих планах, но их злобные сердца, чёрт подери, переполнились завистью. Они завидуют моему таланту так же, как все женщины завидуют Вашим достоинствам.

– Дорогой мой, эти подонки и мерзавцы ненавидят людей, превосходящих их. Но Вы не смущайтесь, и пусть все увидят, на что Вы способны.

55 «Музыка на воде» Г. Ф. Генделя (1685–1759) для оркестра написана в 1715–17 для праздничного королевского кортежа на Темзе.

56 Вильгельм III Оранский – голландский штатгальтер, ставший английским королём в 1688 году.

57 *In folio* – формат в половину печатного листа.

58 У Блейка *Sicknackers* (вероятно, от *sick* = больной и *knacker* = скупщик, живодёр).

– Теперь, я думаю, нам следует посетить мистера Фемалинга⁵⁹, и мы с Вами вдвоём совершим столько добрых дел, сколько будет в наших силах. Вы захватили и покорили меня, и я буду страстно любить Вас. Я буду

59 У Блейка *Femalitys* от *female* = женщина.

кричать, топтать ногами, перепугаю всех, но я покажу им, что есть истина!

И тут вошёл Угол Тупинг.

– О, я рад, что Вы пришли, – сказал Жвачкинс.

<Конец>